

Научная статья

УДК 343.81

doi: 10.17223/22253513/49/7

К вопросу об учреждениях объединенного типа

Владимир Александрович Уткин¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, utkinva@inbox.ru*

Аннотация. Рассматриваются основные факторы становления и тенденции развития в уголовно-исполнительной системе России учреждений нового типа, совмещающих в себе несколько видов учреждений и несколько видов режима. В российском законодательстве она получила официальное признание в 2001 г. и ныне закреплена в качестве одного из основных направлений в Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г. Автор критически оценивает положения Концепции о «клиентоцентрическом» подходе к содержанию осужденных, а также ориентацию на создание единичного экспериментального учреждения с неясной перспективой его масштабирования. Тип такого учреждения не может быть универсальным, оно должно быть многовариантным и строиться по модульному принципу. Полноценную правовую основу существования и развития уголовно-исполнительных комплексов создаст новый закон об уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, учреждения объединенного типа, уголовно-исполнительные комплексы

Для цитирования: Уткин В.А. К вопросу об учреждениях объединенного типа // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 49. С. 67–79. doi: 10.17223/22253513/49/7

Original article

doi: 10.17223/22253513/49/7

On the issue of integrated institutions

Vladimir A. Utkin¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, utkinva@inbox.ru*

Abstract. The main factors of formation and development trends in the Russian penitentiary system of a new type of institutions combining several types of institutions and several types of regime are considered. It was officially recognised in Russian legislation in 2001 and is now enshrined as one of the main directions in the Concept of the development of the penal and correctional system until 2030.

The author criticises the provisions of the Concept on the "client-centred" approach to the detention of convicts, as well as the focus on the creation of a single experimental institution with unclear prospects for its scaling up. The type of such an institution cannot be universal, it should be multivariant and built on a modular principle. Given that

the absolute majority of convicts are currently serving their sentences in strict-regime colonies, it is advisable to use a special-regime colony as a basis.

Scientific support of the project implementation should be comprehensive and not be reduced to legal aspects. The importance of optimal differentiation of convicts as a practical expression of their classification is growing. Perhaps in the future it is necessary to abandon the division of conditions of serving the sentence, focusing on the classification of convicts and the use of a wider range of positive incentives significant for them. A new law on the penal enforcement system will create a full-fledged legal basis for the existence and development of penal enforcement complexes.

Among other things, the issue of organisational structure (management structure) of the executive complexes should be discussed, including the scope of law enforcement powers of the heads of their constituent structures (modules, sectors). This also applies to their competence to apply measures of encouragement and punishment to convicts, suspects, accused.

The relevance of the scientific basis of differentiation of convicted persons, its criteria, grounds, procedure and legal consequences, and in accordance with the principle of "necessary sufficiency" is increasing. For example, the experience of pre-trial detention centres shows that one of the conditions for violating the rights of prisoners to adequate accommodation conditions is often in fact the numerous departmental instructions to separate more and more categories of prisoners. As a result, separate cells in isolation centres are often insufficient.

The problem of ensuring the integrative (passive and active) security of prisoners, staff and visitors must also be addressed on a new organisational and technological basis.

Keywords: penal and correctional system, united type institutions, penal and correctional complexes

For citation: Utkin V.A. (2023) On the issue of integrated institutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 49. pp. 67–79. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/49/7

Словосочетание «к вопросу» в научных публикациях обычно используют, когда идет дискуссия по актуальной проблеме и автор стремится внести свой вклад в ее решение. К сожалению, такой активной дискуссии в последнее время здесь пока не наблюдается, хотя ее значимость очевидна. Не случайно Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. (далее – Концепция, «Концепция 2030») [1] разработка и реализация проекта создания учреждения объединенного типа закреплены среди ее основных направлений (Раздел VII).

Разработку и реализацию проекта предполагается осуществить уже в 2024 г., причем, как следует из Распоряжения Правительства и Раздела XXIII, «финансирование мероприятий, предусмотренных Концепцией, предполагается осуществлять за счет средств федерального бюджета в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных на соответствующий финансовый год и плановый период на указанные цели».

Появление в Концепции Раздела об «учреждении объединенного типа» само по себе нельзя не приветствовать. Каким же оно предполагается? Судя по буквальному содержанию Раздела VII, в его рамках «планируется сосредоточить исправительные учреждения и следственные изоляторы в едином

центре, модернизировать и унифицировать имеющиеся технологии в сфере обеспечения режима и развития производственного сектора, а также предусмотреть **клиентоцентричный подход к созданию условий для содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых**, предоставления свиданий с их родственниками, осуществления деятельности адвокатов и общественных организаций, включая оборудование для предоставления свиданий, а также для осуществления деятельности судов, органов прокуратуры, следователей, включая оборудование помещений для осуществления их деятельности (здесь и далее выделено мной. – В.У.). Чем рассматриваемый Раздел, собственно, и исчерпывается. Само по себе это наводит на мысль, что перспективы предусмотренного им, образно говоря, «сияющего града на холме» туманны, как остались втуне положения Концепции развития УИС России до 2020 г. о «всеобщей тюремизации» за счет внутренних резервов уголовно-исполнительной системы.

В пользу такого вывода говорят и имеющиеся в СМИ сведения о плане реализации проекта в одном из субъектов Федерации, предусматривающем строительство «учреждения объединенного типа» на 4 тыс. «клиентов» с внушительным бюджетным финансированием в 12 млрд руб. Одновременно в Концепции предусмотрена «оптимизация» учреждений уголовно-исполнительной системы, в результате которой к 2024 г. из 900 учреждений ликвидации подлежат 88 (Раздел VI). Едва ли можно сомневаться, что данное положение полностью или большей его частью будет реализовано. В отличие от положений Раздела VII, который в существующих социально-экономических реалиях может унаследовать судьбу упомянутой «всеобщей тюремизации» и в итоге будет из Концепции исключен (хотя бы по причине устранения необходимости в будущем отчитываться за неудачу). Тем самым идея «учреждения объединенного типа» окажется дискредитированной.

На деле окажется дискредитированной (и не без оснований) не идея «учреждения объединенного типа» как таковая (при ее должной научно обоснованной конкретизации), а идея упомянутого «града на холме», удовлетворяющего на основании пресловутого «клиентоцентричного» подхода практически все потребности не только собственно уголовно-исполнительной практики, но и правосудия, прокуратуры, адвокатуры, следствия, гражданского общества и т.п. И это понятно, ибо ни в одной стране мира таких пенитенциарных заведений нет, как нет и стремления к их созданию.

Что же следует понимать под «учреждениями объединенного типа», если не считать таковым упомянутый выше «сияющий град на холме»? Для начала обратимся к истории.

В советский период (во всяком случае во время действия УК РСФСР 1960 г. и ИТК РСФСР 1970 г.) среди мест лишения свободы традиционно преобладали охраняемые исправительно-трудовые колонии одного вида режима («монорежимные» колонии). Вид режима и вид учреждения де-юре и де-факто совпадали. Такой подход ныне сохраняется в наименовании и содержании ст. 58 УК РФ – «Определение вида исправительного учреждения». Но и в советский период, к примеру, в системе УЛИТУ МВД СССР (лесных

исправительно-трудовых учреждений) в силу производственной необходимости существовали так называемые объединенные исправительно-трудовые учреждения (ОИТК), включавшие в себя, помимо охраняемых колоний, колонии-поселения, где осужденные находились без охраны, но под надзором [2. С. 281]. По сути, здесь имело место не только и не столько объединение в одном учреждении различных видов режимов, сколько объединение различных видов (охраняемых и неохранных) колоний.

В лечебных исправительных учреждениях традиционно отбывают лишение свободы осужденные на разных видах режима. Существуют общий и строгий режимы в тюрьме. Хозяйственное обслуживание тюрем, следственных изоляторов и колоний особого режима осуществляется осужденными к лишению свободы в колониях общего режима. Кроме того, наличие в системе исправительных колоний ПКТ, особенно ЕПКТ, говорит о явной тенденции к развитию тюремного «вектора» в организации исполнения лишения свободы [3].

В послевоенной истории отечественной уголовно-исполнительной системы наряду с различными по строгости видами режима всегда присутствовали и разные виды исправительных учреждений (по способу организации исполнения лишения свободы): «открытые» (колонии-поселения), «закрытые» (охраняемые колонии) и, по терминологии осужденных, – «крытые» (тюрьмы) с явным превалированием монорежимных «закрытых» охраняемых колоний. И если дифференциация исправительных учреждений возможна по указанным выше критериям (вид и режим), то их интеграция ведет к появлению двух типов объединенных учреждений – «мультирежимных» (с различными видами режима) и «гибридных» (с различными видами учреждений). Возможно и их сочетание, когда объединенное исправительное учреждение является одновременно «гибридным» и «мультирежимным».

С начала 1990-х гг., когда уголовно-исполнительная система России утратила исторически сложившийся экономический базис в виде планово-распределительной экономики и всеобщего привлечения осужденных к труду, потребности обеспечения правопорядка и иные обстоятельства (условия управления, отсутствие необходимого числа мест в СИЗО и тюрьмах, расходы на перевозку осужденных и др.) привели к интенсивному развитию в исправительных учреждениях не только «мультирежимных», но и «гибридных» черт. Еще в 1990 г. один из авторов альтернативного проекта Концепции перестройки исправительно-трудовой системы А.И. Зубков писал о целесообразности отказа от деления колоний на виды режима, сохраняя дифференциацию внутри учреждения по решению администрации [4. С. 12]. Это порождало и сомнения, связанные с управляемостью исправительно-трудовых учреждений [4. С. 59].

Применительно к уголовно-исполнительной системе в целом довольно привлекательными выглядели предложения о «тюрьмизации» как дальнейшем пути ее «цивилизации» в противовес наследию ГУЛАГа [5]. Не соглашаясь с таким выводом, автор этих строк более четверти века назад писал: «В обозримом будущем едва ли произойдет полное поглощение исправительно-трудовых колоний тюрьмами. Причем не только по экономическим причинам. Колонийская система сама по себе имеет немало положительных

черт. В первую очередь с точки зрения организации труда, социально-воспитательной работы, подготовки осужденных к жизни на свободе... Если попытаться прогнозировать, можно предположить, что будущие места лишения свободы в большинстве своем воплотят в себе черты тюрьмы и колонии, превратившись в учреждения “гибридного” типа» [6. С. 50–51].

Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» 1993 г.¹, Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы этих идей поначалу не восприняли, юридически оставаясь на позиции «монорежимных» колоний (см. упомянутую выше ст. 58 УК РФ и ст. 74 УИК РФ). Но жизнь брала свое. В силу объективных причин на территории ряда колоний организовывались ПФРСИ (помещения, функционирующие в режиме следственных изоляторов), ПФРТ (помещения, функционирующие в режиме тюрем). Развивалась система единых помещений камерного типа (ЕПКТ). Наряду с предусмотренными Кодексом помещениями камерного типа (ПКТ), строгими условиями содержания (СУС) с пребыванием осужденных в запираемых помещениях это свидетельствовало о формировании в УИС вектора объективно обусловленных «тюремных начал». Но далеко не единственного, а лишь одного из нескольких возможных.

Принципиальное значение в этом отношении имело дополнение в 2001 г. ч. 2 ст. 74 УК РФ о том, что на территории одной исправительной колонии могут создаваться изолированные участки с различными видами режима, а также изолированные участки, функционирующие как тюрьма. Частью 8 ст. 74 УИК также была предусмотрена возможность создания изолированных участков, функционирующих как колонии-поселения, в лечебных исправительных учреждениях и лечебно-профилактических учреждениях. И ящик Пандоры был открыт. В итоге после неоднократных изменений закона и подзаконных нормативных правовых актов существуют (и реализуются) юридические возможности существования в организационных рамках закрытых (охраняемых) учреждений (исправительных колоний) изолированных участков с различными видами режима; изолированных участков, функционирующих как колонии-поселения; изолированных участков, функционирующих как тюрьмы; изолированных участков, функционирующих в режиме следственных изоляторов, транзитно-пересыльных пунктов. Кроме того, в воспитательных колониях могут создаваться изолированные участки, функционирующие как исправительные колонии общего режима для содержания осужденных, достигших во время отбывания наказания возраста 19 лет (ч. 9 ст. 74 УИК).

Примечательно, что с введением в действие наказания в виде принудительных работ (ст. 53 УК, Глава 8, ст. 60 УИК РФ) на территории исправительных колоний могут создаваться изолированные участки, функционирующие как исправительные центры, для отбывания принудительных работ (УФИЦ), которые, как показано ниже, ныне преобладают в системе субъектов

¹ Ныне – «Закон Российской Федерации об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».

исполнения данного наказания. С высокой долей вероятности можно предположить, что УФИЦ (для исполнения принудработ или иного сходного с ними наказания) в принципе останутся в исправительных учреждениях, независимо от успехов в создании самостоятельных исправительных центров.

Однако это обстоятельство с очевидностью свидетельствует, что о «гибридном» характере следует говорить не только применительно к различным видам мест лишения свободы, но и в более широком плане – в отношении соответствующих учреждений уголовно-исполнительной системы. Ведь многие из существующих колоний уже сейчас исполняют не только лишение свободы (см. ниже).

Судя по официальной статистике ФСИН России, в первом полугодии 2023 г. в уголовно-исполнительной системе функционирует 161 исправительная колония общего режима, 35 исправительных колоний особого режима для осужденных при особо опасном рецидиве преступлений, 6 исправительных колоний особого режима для осужденных к пожизненному лишению свободы, 246 исправительных колоний строгого режима, 94 колонии-поселения, 51 лечебное исправительное учреждение, 23 лечебно-профилактических учреждения, 7 тюрем, 13 воспитательных колоний, 46 исправительных центров, 210 следственных изоляторов. Также в УИС действуют 71 ПФРСИ, 25 ТПП, 164 УФИЦ при исправительных учреждениях.

Как свидетельствуют официальные данные («Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы»), подавляющее большинство осужденных к лишению свободы отбывают наказание в исправительных колониях. В первом полугодии 2023 г. из них 56% – в колониях строгого режима; 22% – общего режима, 6% – в колониях особого режима, 4,9% – в колониях-поселениях¹. И эти относительные показатели практически не изменились, хотя общее количество осужденных в местах лишения свободы продолжало сокращаться. В итоге наполнение данных исправительных учреждений по сравнению с установленным лимитом составляет: по колониям общего режима – 41%, строгого – 43%, особого – 52%, по колониям-поселениям – 54%, по воспитательным колониям – всего 17%.

Неизбежное следствие либерализации уголовной политики (которую часто, но неосновательно именуют «гуманизацией») – ухудшение состава осужденных. Если в 2016 г. в колониях строгого режима отбывали наказание 54% осужденных, то в 2022 г., как указано выше, – 56%, тогда как колонии общего режима становятся менее востребованными (27 и 22% соответственно).

Опубликованная статистика ФСИН не дает ответ на вопрос, сколько из упомянутых выше исправительных колоний фактически являются «мультирежимными». Практика показывает, что они преобладают. Довольно распространены изолированные участки, функционирующие в режиме колоний-поселений. Активно развиваются УФИЦ.

¹ Оставшиеся 7% распределяются по лечебным исправительным учреждениям, лечебно-профилактическим учреждениям, воспитательным колониям и транзитно-пересыльным пунктам.

Изложенное убедительно свидетельствует, что появление и развитие «учреждений объединенного типа» – объективная реальность, заслуживающая большего внимания уголовно-исполнительной науки (а не только ее юридической составляющей – уголовно-исполнительного права), имея в виду такие общепризнанные ее функции, как описательная, объяснительная, прогностическая и управленческая.

Между тем, если в период, предшествовавший «Концепции 2030», перспективы и облик «учреждений объединенного типа» (гибридных, мультирежимных, комплексных и т.д.) довольно активно обсуждались (преимущественно, представителями ведомственной науки) [7–15], то с ее принятием публикации на данную тему практически исчезли, если не считать отдельных статей описательного характера [16]. Видимо, не в последнюю очередь потому, что закрепление пресловутого «сияющего града на холме» в столь авторитетном документе фактически сделало дискуссии беспредметными, хотя рассматриваемый проект большинство ученых обоснованно посчитали недостаточно реалистичным.

Возвращаясь вновь к содержанию Раздела VII «Концепции 2030», подчеркнем, что, на наш взгляд, он, в отличие от идей о пресловутой «тюрьмизации», не должен быть исключен, но нуждается в существенном редактировании. Коль скоро, как отмечено выше, «объединительные начала» уже несколько десятилетий фактически развиваются в уголовно-исполнительной системе, задача науки здесь состоит прежде всего в том, чтобы, не идя «в хвосте» практики¹, прогнозировать ее дальнейшее развитие, давать ей и законодателю научно обоснованные рекомендации.

Начнем с того, что из Раздела VII вообще непонятно, о каком «учреждении объединенного типа» в нем идет речь, причем даже с позиций грамматики русского языка. Если освободить этот тезис от общих фраз о «модернизации и унификации», о «клиентоцентрическом» подходе, то в остатке – это «такое учреждение, в рамках которого планируется сосредоточить исправительные учреждения и следственные изоляторы в едином центре». Буквально это означает, что **в одном (!)** учреждении предполагается иметь **несколько** следственных изоляторов. Простой вопрос – зачем? Ведь в результате появится не учреждение как таковое, а то, что в экономике и науке управления именуется «кластером».

Другой вопрос: насколько реалистично планировать создание подобного кластера с численностью осужденных до 4 тыс. человек в «едином центре», имея в виду, что как минимум две трети из них должны быть обеспечены оплачиваемым производительным трудом, причем при условии, что их заработок должен быть не менее установленной законом минимальной оплаты труда (ч. 2 ст. 105 УИК РФ)?

¹ Приведенная выше вышедшая в 2022 г. статья уважаемых авторов уже по ее названию говорит о постановке ими «проблемы» учреждений объединенного типа спустя более 20 лет, как она возникла.

Коль скоро в основе гигантского «учреждения объединенного типа» во всяком случае все же будет лежать исправительная колония, т.е. колонийские (сиречь – лагерные) начала, трудно уйти от мысли, что обратной стороной «сияющего града на холме» при его успешной реализации (что, впрочем, сомнительно) в итоге окажется монструозный «суперлагерь 2.0».

И уж совершеннейшим нонсенсом, хотя данью времени, выглядит содержащийся в Разделе тезис об обеспечении «клиентоцентричного подхода к созданию условий для содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых». Ведь клиентоцентричность превращает осужденного, подозреваемого, обвиняемого в «клиента» уголовно-исполнительной системы, а само исполнение наказания, заключение под стражей – в государственную услугу, от которой, как от всякой услуги, «клиент» всегда вправе отказаться [17. С. 21–24]. Надо полагать, авторы этого тезиса забыли Уголовный кодекс, а именно ч. 1 ст. 43 УК РФ: «Наказание – есть **мера государственного принуждения...**».

Переходя к конструктивной части, отметим, что уже само название Раздела VII «Концепции 2030» необходимо скорректировать. Сведение его к одному лишь «проекту» обедняет и сужает его значение. Учитывая сказанное, лучше писать о «формировании и развитии», а не об одном лишь «проекте». Сам по себе проект и его реализацию целесообразнее перенести в план реализации Концепции. Учитывая существующую и возможную многообразность таких учреждений и их «типов», необходимо все излагать во множественном числе. Имея в виду «комплексный» («гибридный», «мультирежимный» и т.д.) характер рассматриваемых учреждений, необходимо для краткости изложения как в тексте Концепции, так и при дальнейших обсуждениях использовать термин «исправительные комплексы» или (с учетом возможного наличия в них СИЗО) – «уголовно-исполнительные центры (комплексы)»¹. В итоге в его новой редакции Раздел VII «Концепции 2030» должен именоваться «Формирование и развитие уголовно-исполнительных комплексов».

С учетом отмеченной выше «мультирежимности» («гибридности») подавляющего большинства существующих ныне исправительных колоний не все из них, видимо, автоматически можно будет причислять к таким комплексам, а лишь такие, для которых наличие нескольких видов и режимов является определяющим, что отражается в их организационно-управленческом и архитектурном облике. Допустимы и количественные критерии. К примеру, если в учреждении определенные доли осужденных (например, не менее половины) отбывают наказание в условиях разных режимов и разных видов. Но вовсе не обязательно в каждом исправительном комплексе иметь одновременно все возможные виды и режимы (например, СИЗО и УФИЦ). Это зависит от местных условий и потребностей, в связи с чем уместно говорить о формировании и развитии исправительных комплексов

¹ В Республике Азербайджан подобные учреждения именуются «пенитенциарными комплексами», хотя формируются на тюремной основе.

разного вида (типа), которые могли бы строиться по «модульному» принципу. Подобная система представляется более гибкой и отвечающей потребностям практики.

Учитывая, что, как отмечалось, из всех осужденных к лишению свободы значительное большинство (около 60%) ныне отбывает наказание в колониях строгого режима (конкретнее – на строгом режиме), и эта доля постоянно растет, за основу уголовно-исполнительного комплекса, в том числе его разных вариаций, на первых этапах целесообразно взять именно колонию строгого режима с возможным присоединением к ней различных «модулей». Поскольку в составе этих комплексов все чаще будут находиться исправительные центры (с перспективой будущего преобразования в них существующих изолированных участков колоний-поселений), такие комплексы уже нельзя будет считать в полной мере местами лишения свободы.

Принципиально важно, что создаваемые в порядке эксперимента комплексы должны иметь возможность дальнейшего масштабирования, в том числе с экономической точки зрения. Это, как очевидно, далеко не присуще предусмотренному «Концепцией 2030» «учреждению объединенного типа», даже если оно с максимальным напряжением сил и средств в единичном экземпляре все же будет построено.

Необходимым условием и средством формирования исполнительных комплексов должно быть строгое соблюдение принципа законности, совершенствование организационно-правовых основ. Представляется, что на первом (экспериментальном) этапе каких-либо значимых изменений уголовно-исполнительного законодательства (в смысле федеральных законов) не потребуется. Полезным было бы изменение наименования ст. 58 УК РФ с «Назначение осужденным вида исправительного учреждения» на «Назначение осужденным вида и режима исправительного учреждения». Кроме того, внести соответствующие дополнения в ст. 74 УИК РФ и в Закон РФ от 21 июля 1993 г. «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».

Второй этап – масштабирование (тиражирование) результатов эксперимента, предлагает более глубокие преобразования. Это, на наш взгляд, во всяком случае:

– упомянутое выше объединение колоний-поселений и исправительных центров, исполняющих принудительные работы с возвратом к старому названию аналогичного наказания – «ограничение свободы» [19. С. 61];

– максимально возможная унификация «тюремных» условий содержания осужденных (тюрма, ПФРТ, ПКТ, ЕПКТ), ШИЗО, строгие условия содержания в колониях особого режима;

– возможная ликвидация общего режима в исправительных колониях (с сохранением отдельного содержания впервые отбывавших и ранее отбывавших лишение свободы);

– унификация условий отбывания лишения свободы, отказ от их деления на обычные, облегченные и строгие, стимулирование надлежащего поведения осужденных исключительно мерами поощрения и взыскания, при

условии, что их перечень будет значительно расширен и актуализирован путем включения в него отдельных значимых для осужденных элементов облегченных и строгих условий.

Разумеется, изложенные выше и иные возможные здесь предложения нуждаются в обсуждении. Помимо прочего, должен обсуждаться вопрос организационного строения (структуры управления) исполнительных комплексов, в том числе объем правоприменительных полномочий руководителей входящих в них структур (модулей, секторов). Это касается и их компетенции по применению к осужденным, подозреваемым, обвиняемым мер поощрения и взыскания.

Возрастает актуальность научных основ дифференциации осужденных, ее критериев, оснований, порядка и юридических последствий, причем по принципу «необходимой достаточности». К примеру, опыт СИЗО свидетельствует, что одним из условий нарушений прав заключенных на надлежащие условия размещения зачастую фактически выступают многочисленные ведомственные указания о раздельном содержании все большего числа их категорий. В итоге отдельных камер в изоляторах нередко оказывается недостаточно.

На новых организационных и технологических основах должна решаться и проблема обеспечения интегративной (пассивной и активной) безопасности лиц, содержащихся в исправительных колониях, персонала и посетителей.

Что же касается предусмотренного в «Концепции 2030» оборудования помещений для деятельности судов, следователей, органов прокуратуры и тем паче – строительства городков для персонала, то это, конечно, желательно, но едва ли можно отнести к их неотъемлемому признаку «учреждений объединенного типа». В масштабах всей уголовно-исполнительной системы это вряд ли реалистично и поэтому не может быть масштабировано. Во многом это зависит от местных условий, потребностей и, возможно, от дополнительного финансирования со стороны регионов (в части обеспечения сотрудников жильем).

В конечном счете и в перспективе в рассмотренной выше модернизации и реорганизации традиционных «колонийских» структур на комплексных началах видится магистральный самобытный путь модернизации уголовно-исполнительной системы России, отличный от пресловутой «тюрьмизации» западного типа [20. С. 28–30].

Список источников

1. Собрание законодательства Российской Федерации. 15.05.2020. № 20. Ст. 3397.
2. Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М. : Вердикт – ИМ, 1999. 448 с.
3. Уткин В.А. Тюремный вектор в уголовно-исполнительной системе // Отечественные записки. 2008. № 2 (41). С. 149–156.
4. Зубков А.И. Концепция перестройки исправительно-трудовой деятельности на современном этапе. Материалы обсуждения. Рязань, 1988. 68 с.

5. Фефелов В.А. Социально-правовые основы цивилизации исправительных учреждений Российской Федерации. Рязань : РВШ МВД СССР, 1992. 171 с.
6. Уткин В.А. Европейские тюремные правила и проблемы их реализации. Томск : Изд-во НТЛ, 1996. 64 с.
7. Уткин В.А. «Мультирежимные» исправительные учреждения: реальность и перспективы // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2014. № 4. С. 9–17.
8. Уткин В.А. Гибридные исправительные учреждения и международные стандарты // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18). С. 7–11.
9. Горбань Д.В. «Комплексные» исправительные учреждения в пенитенциарной системе России на современном этапе ее реформирования // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 38–44.
10. Усеев Р.З. Мультирежимность исправительных учреждений: причины, классификация, перспективы // Уголовная юстиция. 2016. № 2 (18). С. 81–88.
11. Уткин В.А., Киселев М.В., Савушкин С.М. «Гибридные» и «мультирежимные» пенитенциарные учреждения: преимущество и риски // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 79–91.
12. Коробова Н.И. К вопросу о создании комплексных исправительных учреждений в Российской Федерации // Вестник Кузбасского института. 2020. № 2 (43). С. 58–62.
13. Усеев Р.З. Основы концепции учреждений уголовно-исполнительной системы объединенного типа (гипотеза): пространственное развитие, законодательство, правоприменение // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2021. № 3. С. 71–78.
14. Усеев Р.З. Перспективы развития гибридных исправительных учреждений в аспекте обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 4 (179). С. 30–35.
15. Горбань Д.В., Южанин В.Е. Комплексные исправительные учреждения на современном этапе реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 4 (56). С. 733–741.
16. Антипов А.Н., Строгович Ю.Н. Учреждения объединенного типа: постановка проблемы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 1.
17. Клиентоцентрический подход в государственном учреждении: навигатор цифровой информации. М. : РАНХиГС при Президенте РФ, 2020. 180 с.
18. Гумбатов М.Г. Пенитенциарные комплексы – новый вид учреждений по отбыванию лишения свободы в Азербайджанской Республике // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тез. выступлений участников. Рязань : Академия ФСИН России, 2013.
19. Уткин В.А. Альтернативные санкции в России: проблемы и перспективы. М. : PRI, 2012. 126 с.
20. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к ГУЛАГу западного образца. М., 2001. 143 с.

References

1. The Russian Federation. (2020) *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 15.05.2020. № 20. st. 3397 (dalee – “Kontseptsiya”, “Kontseptsiya 2030”)* [Collected Acts of the Russian Federation. May 15, 2020. No. 20. Art. 3397 (hereinafter referred to as the “Concept”, “Concept 2030”)].
2. Detkov, M.G. (1999) *Tyur'my, lagerya i kolonii Rossii* [Prisons, camps and colonies of Russia]. Moscow: Verdict – IM.
3. Utkin, V.A. (2008) *Tyuremnyy vektor v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme* [Prison vector in the penal system]. *Otechestvennye zapiski*. 2(41). pp. 149–156.

4. Zubkov, A.I. (1988) *Kontseptsiya perestroyki ispravitel'no-trudovoy deyatel'nosti na sovremennom etape. Materialy obsuzhdeniya* [The concept of restructuring correctional labor activity at the present stage. Discussion materials]. Ryazan: [s.n.].
5. Fefelov, V.A. (1992) *Sotsial'no-pravovye osnovy tsivilizatsii ispravitel'nykh uchrezhdeniy Rossiyskoy Federatsii* [Social and legal foundations of the civilization of correctional institutions of the Russian Federation]. Ryazan: MIA USSR.
6. Utkin, V.A. (1996) *Evropeyskie tyuremnye pravila i problemy ikh realizatsii* [European prison rules and problems of their implementation]. Tomsk: NTL.
7. Utkin, V.A. (2014) “Multitirezhimnye” ispravitel'nye uchrezhdeniya: real'nost' i perspektivy [“Multi-mode” correctional institutions: Reality and prospects]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta FSIN Rossii*. 4. pp. 9–17.
8. Utkin, V.A. (2014) Gibrnidnye ispravitel'nye uchrezhdeniya i mezhdunarodnye standarty [Hybrid correctional institutions and international standards]. *Ugolovno-isspolnitel'noe pravo*. 2(18). pp. 7–11.
9. Gorban, D.V. (2015) “Kompleksnye” ispravitel'nye uchrezhdeniya v penitentsiarnoy sisteme Rossii na sovremennom etape ee reformirovaniya [“Complex” correctional institutions in the Russian penitentiary system at the present stage of its reform]. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami*. 1. pp. 38–44.
10. Useev, R.Z. (2016) Multi-regime correctional facilities: causes, classification, prospects. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2(18). pp. 81–88. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/8/13
11. Utkin, V.A., Kiselev, M.V. & Savushkin, S.M. (2018) “Hybrid” and “multiregime” penal institutions: advantages and risks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 29. pp. 79–91. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/29/9
12. Korobova, N.I. (2020) K voprosu o sozdanii kompleksnykh ispravitel'nykh uchrezhdeniy v Rossiyskoy Federatsii [On creating complex correctional institutions in the Russian Federation]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2(43). pp. 58–62.
13. Useev, R.Z. (2021) Osnovy kontseptsii uchrezhdeniy ugolovno-isspolnitel'noy sistemy ob"edinennogo tipa (gipoteza): prostranstvennoe razvitiye, zakonodatel'stvo, pravoprimeneniye [Fundamentals of the concept of joint penal system institutions (hypothesis): Spatial development, legislation, law enforcement]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii*. 3. pp. 71–78.
14. Useev, R.Z. (2021) Perspektivy razvitiya gibrnidnykh ispravitel'nykh uchrezhdeniy v aspekte obespecheniya bezopasnosti ugolovno-isspolnitel'noy sistemy [Prospects for the development of hybrid correctional institutions in the aspect of ensuring the security of the penal system]. *Vedomosti UIS*. 4(179). pp. 30–35.
15. Gorban, D.V. & Yuzhanin, V.E. (2021) Kompleksnye ispravitel'nye uchrezhdeniya na so-vremennom etape reformirovaniya ugolovno-isspolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii [Complex correctional institutions at the current stage of reforming the penal system of the Russian Federation]. *Penitentsiarnaya nauka*. 15-4(56). pp. 733–741.
16. Antipov, A.N. & Strogovich, Yu.N. (2022) Uchrezhdeniya ob"edinennogo tipa: postanovka problem [Institutions of a united type: The problem statement]. *Vedomosti ugolovno-isspolnitel'noy sistemy*. 1. pp. 9–12.
17. Linnik, O.V., Ozharovsky, A.V. & Shklyaruk, M.S. (eds) (2020) *Klientotsentricheskii podkhod v gosudarstvennom uchrezhdenii: navigator tsifrovoy informatsii* [A client-centric approach in a government agency: A digital information navigator]. Moscow: RANEPa under the President of the Russian Federation.
18. Gumbatov, M.G. (2013) Penitentsiarnye komplekсы – novyy vid uchrezhdeniy po otbyvaniyu lisheniya svobody v Azerbaydzhanskoy Respublike [Penitentiary complexes – a new type of institution for serving imprisonment in the Republic of Azerbaijan]. In: *Mezhdunarodnyy peni-tentsiarnyy forum “Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie”* [International

penal forum “Crime, Punishment, Correction”]. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

19. Utkin, V.A. (2012) *Al'ternativnye sanktsii v Rossii: problemy i perspektivy* [Alternative sanctions in Russia: Problems and prospects]. Moscow: PRI.

20. Christie, N. (2001) *Bor'ba s prestupnost'yu kak industriya. Vpered k GULAGu zapadnogo obraztsa* [Crime Control as Industry: Towards Gulags, Western Style]. Translated from English by A. Petrov, V. Prorokova. Moscow: Ideya-Press.

Информация об авторе:

Уткин В.А., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: utkinva@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Utkin, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: utkinva@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.05.2023;
одобрена после рецензирования 26.08.2023; принята к публикации 20.10.2023.*

*The article was submitted 25.05.2023;
approved after reviewing 26.08.2023; accepted for publication 20.10.2023.*